

ло-помалу Виктор Гюго выходит из-под контроля власти. Он публикует "Кромвеля", добавив к нему Предисловие, вышедшее 5 декабря. "О самом тексте говорили мало, много о предисловии, в котором содержалась совершенно новая поэтика".

В своих мемуарах Дюма заявляет, что перевод из отдела пособий в архив герцога Орлеанского был выражением новой немилолюбивости, наказанием за то, что он продолжал писать. На самом деле совершенно очевидно обратное. Теперь все его вечера свободны для театральной и светской жизни. Часы работы необременительны. Служащий конторы строго предупредил его, что если Александр вздумает явиться на службу до одиннадцати часов, то найдет дверь еще запертой, а если останется после шести, то будет заперт уже внутри. И главным образом он выиграл в начале в лице изумительного "папочки Бише", восьмидесяти лет, одетого по-прежнему то есть как в 1788 году, в атласные колготы, ажурные чулки, черный фрак из тонкого сукна и шелковый жилет в цветочек. Костюм его также дополняли рукавички и жабо. Лицо в обрамлении снежно-белых волос, заплетенных в косичку, было открытым, доброжелательным, ярким. Папочка Бише предложил Александру писать в архиве, как только он закончит свою служебную работу. Последняя не занимала у него больше часа в день. И работа над "Христиной" быстро продвигается.

Но мелочность, ревность, злоба становятся причиной страшной розни между служащими архива, постепенно превращающейся в настоящую войну. Сотрудники не могут спокойно видеть, как Александр является в полдень и часа через три-четыре уходит. Надо бы что-то предпринять, чтобы этого вонючего негра выставили за дверь.

Все это не помешало довести "Христину" до конца. Но "едва записал я последнюю строчку: Мне жаль его, отец мой... Пусть кончат с ним! как тотчас же почувствовал себя в положении бедной девушки, которая только что и вне всякого законного брака произвела на свет незаконнорожденного младенца. Что же делать с bastardом? Тогда Александр вспоминает о человеке с широкими бровями и длинным носом, который употреблял табак на манер швейцарца". То был суфлер из Театр-Франсе. Александр любезно ему улыбается. Суфлер же повторяет ему то, что он и раньше знал: либо найти путь к Тайлору, либо целый год ждать читки. Александр обращается к Нодье, близкому другу Тайлора. "Я написал к Шарлю Нодье и во имя его всем известной доброжелательности к молодым умоляю его порекомендовать меня барону Тайлору".

Дело сладилось, и Тайлор назначает ему читку с себя дома в семь утра. С бьющимся сердцем он приходит, но место оказывается занятым. Некий автор как раз читает "Гекубу", взяв шутом дверь Тайлора и застав его в ванной, "как Шарлотта Корде заперла Марата и заволокла его кинжалом прямо в ванне; но только агония королевы-скаго комиссара была гораздо долгие, чем агония народного трибуна. В трагедии было 2 тысячи четыреста стихов!"

Дюма ничуть не обескуражен тем, что ему пришлось выслушать два акта "Гекубы", хуже написать трудно. Наконец, автор уходит. Тайлор вылезает из воды, стуча зубами от холода, ложится под одеяло, натягивая его до подбородка. Александр, застенчивый и смиренный, начинает свой номер обольщения. Согрешивший Тайлор куда лучше расположен к автору, а вскоре и очарован им. Александр выигрывает первый этап, он будет читать перед комитетом Театр-Франсе в четверг 20 марта. Из суверена он ничего не говорит об этом Мари-Луизе.

В Комеди-Франсез "Христина" принята "с поправами", Александру же удалось "обогатиться". Он выкакивает из театра и бежит скорей возвестить великую новость. Сложив голову мчнется он к Мари-Луизе. "И в радостном моем нетерпении я пренебрегал мерами осторожности и поистине "срывал голову" среди экипажей, которых не видел, и лошадей, о которых спотыкался, до такой степени, что, прибыв в фойер Сен-Дени, обнаружил, что потерял рукопись. Что за беда! Ведь я знал мою пьесу наизусть".

При его громкоподобном появлении Мари-Луиза испускает крик, прижав руки к сердцу: "он совсем что ли свихнулся, этот верзила"?! Мало того, что он не на работе, так он еще танцует, все круша на своем пути. Он все ей рассказывает, потом успокаивается. Во многих бюллетенях для голосования содержится требование вторичного чтения или же "передачи рукописи какому-либо автору, который поощряется доверием Театра", следовательно, пьеса не была принята без голосования. Вся ночь он пытается восстановить текст. Затем пьесу передает академику Пикару, к которому Александр испытывает "глубокое отвращение. (...) По моему мнению, Пикар настолько же умалил

значение комедии, насколько Скриб возмечил доведлив".

Когда Александр явился к нему за своей рукописью, карлик посоветовал ему оставить литературу в покое и вернуться в контору. Пометки гномика представляли собой крестики, фигурные скобки, восклицательные знаки, которые следовало бы назвать знаками ослепления". Всегда за ними гигантский знак вопроса и в заключение "слово НЕВОЗМОЖНО". В полном отчаянии Александр отправляется к Тайлору. Королевский комиссар не соглашается признать, что ошибся относительно достоинств пьесы и спрашивает мнения Нодье. Живописный библиофил, очаровательный рассказчик и к тому же превосходный писатель довольствуется лишь одной фразой: "Повинуясь голосу совести, провозглашаю всей душой, что "Христина" — одно из самых замечательных произведений, которые я прочел за последние двадцать лет".

Александр просит актера Самсона, страстного защитника пьесы, посоветовать, как лучше ее исправить, чтобы удовлетворить предъявленные требования. Он не медлит с исправлениями, ходатайствует о вторичном чтении и добивается его назначения на 30 апреля 1828 года. Принято единогласно! Он выходит из театра и сломя голову мчит

играть Фирмен, "актер эмоциональный, но не стабильный". В отсутствие Греты Гарбо, увы, еще не родившейся, роль Христины отдана Мадемуазель Марс. Знатная дама и на сцене, и в жизни, она, стоит Александру выйти из зала, в котором она находится, начинает визжать: "Откройте окна, здесь воняет негром!" Но он в результате лишь неграмотно отказывает ей в изменении роли, которых она добивается. И Тайлора нет рядом, чтобы рассудить конфликт: 10 мая он уехал на Восток и вернется только в октябре. Тогда "хрупкая" Мадемуазель Марс обнаруживает у себя недомогание и берет отпуск по болезни на все лето.

Стоит удивливый июль. Александр грезит в своей каморке в Пале-Рояль. Жаль, что так обернулось с "Христиной", когда он был почти у цели. Наверное, надо было быть поуступчивей и снова перетерпеть унижения и оскорбления, которым с детства подвергают его расисты. А еще лучше было бы пока что начать новый, большой сюжет. "Христина" — это еще не то, он знает; романтик подобно Делакруа в живописи, бед всяких уступок классицизму должен взяться за современную драму, где сможет выразить все буйство кипящих в нем страстей. Боже, какая жара! почему бы не проветриться немного и не подняться в бухгалтер-

как и Мари-Луиза, думает лишь о благе своего ребенка, прощает ему все его капризы, все прихоти, все недостатки, лишь бы продропать им руководить. И если он намерен освободиться, оружие матери лишь слезы, слабость, одиночество, все, что обостряет в нем чувство вины, заставляя добровольно вернуться под ее эмоциональное иго. Другая общая точка — культ отца: Генрих II, отец немера III, был храбрый и рыцарственный герой, но тоже умер в сорок лет.

"Когда я поглощен писательской работой, мне необходимо рассказывать: рассказ движет моей фантазией, и, рассказав несколько историй, я обнаруживаю однажды утром, что пьеса закончена". Что важно для Александра, так это осознание, что рассказ своей он ведет вовсе не в стихах, а в прозе, за которую никто бы его не упрекнул. Параскинуя мыслями, он сделал из этого логический вывод: "Генрих III и его друг" должен быть написан не на языке Казимира Делавиня, а на языке Господина Журдена.

"Я закрываю глаза, дабы не видеть материальной жизни. В мечтах своих и воспоминаниях искал я драматическую ситуацию и почти всегда развязку. (...) Затем к придуманной развязке приделывал четыре акта".

Битва за

В одном из московских издательств выходит подробнейшее исследование жизни и творчества Александра Дюма-старшего. Французский писатель Дашель Циммерман отнюдь не беспристрастен: начиная с названия ("Александр Дюма Великий") и на огромном пространстве всей книги, он признается в любви к своему фантастическому персонажу, гению и первооткрывателю в литературе и театре своего времени, автору более шестисот произведений и отцу огромного количества детей, ибо Дюма был еще и гением Жизни во всех ее проявлениях. Вместе с тем канвой биографии становится и Циммермана трагическая история постоянного преодоления изначально уготованной герою судьбы. От рождения над ним тяготел два проклятия: незаконнорожденность и темнокожость его обожаемого кумира Александра Дюма-отца, генерала армии Великой Французской революции. И вся его жизнь — попытка реванша за "негра", "bastarda", реванша, не вполне взятого при жизни, полной борьбы, враждебности среды и невероятных событий, исполненной благородства и плутовства, простодушия и хищничества.

Книга, отрывок из которой мы предлагаем вниманию читателей, переведена Ириной МЯГКОВОЙ.

ся к Мари-Луизе, не теряя на этот раз свое рукописи. При его громкоподобном и победоносном явлении Мари-Луиза кладет руку на сердце: как, он снова не на работе?! Но если пьеса не пойдет, а с работы его выгонят, Бог мой! на что же они оба будут жить, да еще и кот Мизуф. Советы матери для него закон, и Александр торопится на службу, ибо должны же знать друзья, и еще в большей степени враги, словом, весь Пале-Рояль о его победе! Впрочем, быстро аннулированной ультрамонархической прессы: "Сегодня Театр-Франсе принял к постановке единодушно и без голосования стихотворную трагедию в пяти актах некоего молодого человека, ранее ничего не написавшего. Этот молодой человек принадлежит к администрации Господина герцога Орлеанского, который помог ему преодолеть все трудности и настойчиво рекомендовал в репертуарный комитет". В результате цензура запрещает "Христину". Герцог Орлеанский наводит справки, и оказывается, что ознанченная Христина, вопреки некоторой дерзости в туалетах, вполне приличная особа. Тогда он хмурит брови: не в него ли самого целились, ударив молодого и резвого жеребенка из его литературных конюшен? Он поручает Бровало обратиться за посредничеством к Мартиньяку, председателю Совета и министру внутренних дел. Александр изо всех сил пытается подкрепить помощь своего генерального директора. В письме к Мартиньяку он выставляет себя достойной опорой семьи:

"Я сын генерала Алекс.Дюма. Мне двадцать пять лет (он убавил себе только год), произведение, что держите вы в руках, первое, которое я должен был сыграть в Театр-Франсе.

Матушка моя пребывала без состояния, и без пенсия, когда герцог Орлеанский даровал мне место возле своей милости: с тех пор жалованье мое служит нам обоим, матери и мне.

Успех принес бы мне звание библиотекаря герцога Шартрского (сын Орлеанского), следовательно, пьеса не была принята без голосования. Вся ночь он пытается восстановить текст. Затем пьесу передает академику Пикару, к которому Александр испытывает "глубокое отвращение. (...) По моему мнению, Пикар настолько же умалил

аз, которому здесь совершенно не место, но Александру как бы уже испытывает потребность хоть ненадолго вывести на сцену будущего героя одного из своих романтических шедевров "Госпожи Монсоро". Сен-Мерген умоляет короля уехать за город, вместо того, чтобы сопровождать королеву-мать в паломничество. Генрих III отвечает своему "милому дитяти", что всему свое время. Появляется Гиз в боевых латах. Он настаивает, чтобы король назначил главу Лиги (объединение католиков во Франции в конце XVI века. — Прим. перев.), будучи готовым взять на себя исполнение этих функций. Из духовой трубки Сен-Мерген пускает ему в грудь заряд дроби, за которым следует вызов на дуэль. Разумеется, Биусси предлагает свои услуги в качестве секунданта Сен-Мергена на поединке. Супружеская сцена между Генрихом и его матерью, и так как она по-прежнему предназначается себе служению ему, он снова предается эмоциональному шантажу. Тогда она открывает ему намерения Лиги отправить его в монастырь, с тем чтобы посадить на трон Гиза.

Третий акт открывается комической сценой. Пап герцогины Артур насмехается над почтенной, но все миссодрамой дуэнья. И тот же хорошенький пап, роль которого должна играть актриса, испытывает к Сен-Мергену чувства, превосходящие простое восхищение: "Если бы я был женщиной, я не ждал бы другого кавалера". И он восторгался высокими достоинствами своего кумира перед восхищенной герцогиней. Гиз ставит свою супругу перед выбором выпить яд или назначить Сен-Мергену свидание. Она предпочитает смерть и пытается завладеть кубком с ядом. Герцог выливает яд на землю и стискивает ей руку своей, замановой в железу. Она не выдерживает боли: "Вы делаете мне очень больно, Генрих".

В четвертом и пятом актах действие стремительно ускоряется. Артур приносит Сен-Мергену письмо и ключ от места свидания с герцогиней. Руджиери предостерегает Сен-Мергена: надо пережить эту ночь, тогда на завтра можно не опасаться результатов дуэли с Гизом. Сен-Мерген пренебрегает предупреждением: он обязательно пойдет на свидание. Ожидания Гиза отнюдь не обмануты: по совету мате-

ри Генрих III ставит во главу организации себя самого. Он пытается остановить Сен-Мергена. Напрасный труд, герой хочет испытать свою судьбу. Король дает ему талисман от огня и железа. И вот Сен-Мерген встречается с герцогиней. Она признается, что завлекла его в западню, и снова — в своей любви. Артур передает ему веревку, чтобы он бежал через окно. Последние заворота герцогини ждут его внизу. Гиз входит в комнату герцогини. С улицы ему кричат, что Сен-Мерген еще жив, так как его хранят герцогини от огня и железа. На это герцог бросает в окно платок герцогини: "Тогда задумайте же этим платком, смерть будет куда приятней от оружия, принадлежащего герцогине де Гиз".

Так родился во Франции первая романтическая драма, написанная прозой, взорвавшая незываемую твердыню трех еднств, смешавшая трагическое с комическим и вынесшая на сцену то, что в классическом обычно происходило за кулисами. Александр прекрасно сознает значительность сделанного. В салоне Вилленав он устраивает публичное чтение. У всех пьеса вызывает смятение своей необузданностью, грубостью, "монстрозностью", извращением разума человеческого".

Александр завязывает отношения с модными журналистами, поддерживающими идеи романтизма. Директор "Figaro" Нестор Роклан собирает у себя дюжину редакторов своей газеты и другого дружественного органа "Le Sylphe".

На пол расстелили матрацы с постелей — вот и диваны; из кушетки сделали софу. Я уселся за стол, освещенный простыми свечами, на огонь поставили чайник, чтобы чашкой чая отмечать окончание каждого акта, и я начал.

На этот раз я имел дело со смельчаками, поэтому мнение было совершенно иное: во весь голос и единодушно мне заявили, что надо оставить "Христину" на произвол судьбы и заняться "Генрихом III".

Актер Фирмен очаровал ролью Сен-Мергена, которая ему гораздо ближе, чем роль Мональдески. Тонкий тактик, он предлагал Александру показать пьесу сначала наиболее влиятельным актерам, а уже потом представить ее в комитет Театр-Франсе. Александр ничего не имеет против, "я бы и пятьдесят раз прочел, если бы меня пятьдесят раз об этом попросили". И вот "Фирмен приглашает тех, в ком он уверен: они захотят сыграть главные роли. Это Мадемуазель Марс — Герцогиня де Гиз, Мадемуазель Лавер — Екатерина Медичи, Мишло — Генрих III, плюс Самсон, комический актер, приглашенный в качестве друга Александра — Бранже, близкий друг банкира Лаффи-та, национальный поэт, которого в скором времени ультра засадят на девять месяцев в тюрьму за его песенки-памфлеты "Героин-котриат" и "Коронация Карла-Простака". И снова успех. Два дня спустя 17 сентября 1828 года читка перед комитетом оказывалась чистой формальностью, пьесу принимают без голосования, на этот раз слух Александра не подвел.

Он просит, чтобы "Генриху III" был представлен обещанный "Христине" режим благоприятствования, на что и получает согласие после возвращения Тайлора с Востока 25 октября. А пока что, учитывая предшествующий опыт, он играет в доброго негра с Мадемуазель Марс. Она хочет изменений? К вашим услугам, хозяйка! Только в вопросе распределения ролей он ей и не уступает. У Мадемуазель Марс идеальный возраст для молодых героинь — ровно пятьдесят. Чуть не слишком подчеркивая свой возраст, она бы хотела иметь рядом пажа Артура того же поколения. Александр же настаивает на очаровательной ученице Фирмена Луизе Депрео. Марс возражает: у юности слишком острые колени. Как

аз, которому здесь совершенно не место, но Александру как бы уже испытывает потребность хоть ненадолго вывести на сцену будущего героя одного из своих романтических шедевров "Госпожи Монсоро". Сен-Мерген умоляет короля уехать за город, вместо того, чтобы сопровождать королеву-мать в паломничество. Генрих III отвечает своему "милому дитяти", что всему свое время. Появляется Гиз в боевых латах. Он настаивает, чтобы король назначил главу Лиги (объединение католиков во Франции в конце XVI века. — Прим. перев.), будучи готовым взять на себя исполнение этих функций. Из духовой трубки Сен-Мерген пускает ему в грудь заряд дроби, за которым следует вызов на дуэль. Разумеется, Биусси предлагает свои услуги в качестве секунданта Сен-Мергена на поединке. Супружеская сцена между Генрихом и его матерью, и так как она по-прежнему предназначается себе служению ему, он снова предается эмоциональному шантажу. Тогда она открывает ему намерения Лиги отправить его в монастырь, с тем чтобы посадить на трон Гиза.

Третий акт открывается комической сценой. Пап герцогины Артур насмехается над почтенной, но все миссодрамой дуэнья. И тот же хорошенький пап, роль которого должна играть актриса, испытывает к Сен-Мергену чувства, превосходящие простое восхищение: "Если бы я был женщиной, я не ждал бы другого кавалера". И он восторгался высокими достоинствами своего кумира перед восхищенной герцогиней. Гиз ставит свою супругу перед выбором выпить яд или назначить Сен-Мергену свидание. Она предпочитает смерть и пытается завладеть кубком с ядом. Герцог выливает яд на землю и стискивает ей руку своей, замановой в железу. Она не выдерживает боли: "Вы делаете мне очень больно, Генрих".

В четвертом и пятом актах действие стремительно ускоряется. Артур приносит Сен-Мергену письмо и ключ от места свидания с герцогиней. Руджиери предостерегает Сен-Мергена: надо пережить эту ночь, тогда на завтра можно не опасаться результатов дуэли с Гизом. Сен-Мерген пренебрегает предупреждением: он обязательно пойдет на свидание. Ожидания Гиза отнюдь не обмануты: по совету мате-

ри Генрих III ставит во главу организации себя самого. Он пытается остановить Сен-Мергена. Напрасный труд, герой хочет испытать свою судьбу. Король дает ему талисман от огня и железа. И вот Сен-Мерген встречается с герцогиней. Она признается, что завлекла его в западню, и снова — в своей любви. Артур передает ему веревку, чтобы он бежал через окно. Последние заворота герцогини ждут его внизу. Гиз входит в комнату герцогини. С улицы ему кричат, что Сен-Мерген еще жив, так как его хранят герцогини от огня и железа. На это герцог бросает в окно платок герцогини: "Тогда задумайте же этим платком, смерть будет куда приятней от оружия, принадлежащего герцогине де Гиз".

Так родился во Франции первая романтическая драма, написанная прозой, взорвавшая незываемую твердыню трех еднств, смешавшая трагическое с комическим и вынесшая на сцену то, что в классическом обычно происходило за кулисами. Александр прекрасно сознает значительность сделанного. В салоне Вилленав он устраивает публичное чтение. У всех пьеса вызывает смятение своей необузданностью, грубостью, "монстрозностью", извращением разума человеческого".

Александр завязывает отношения с модными журналистами, поддерживающими идеи романтизма. Директор "Figaro" Нестор Роклан собирает у себя дюжину редакторов своей газеты и другого дружественного органа "Le Sylphe".

На пол расстелили матрацы с постелей — вот и диваны; из кушетки сделали софу. Я уселся за стол, освещенный простыми свечами, на огонь поставили чайник, чтобы чашкой чая отмечать окончание каждого акта, и я начал.

На этот раз я имел дело со смельчаками, поэтому мнение было совершенно иное: во весь голос и единодушно мне заявили, что надо оставить "Христину" на произвол судьбы и заняться "Генрихом III".

Актер Фирмен очаровал ролью Сен-Мергена, которая ему гораздо ближе, чем роль Мональдески. Тонкий тактик, он предлагал Александру показать пьесу сначала наиболее влиятельным актерам, а уже потом представить ее в комитет Театр-Франсе. Александр ничего не имеет против, "я бы и пятьдесят раз прочел, если бы меня пятьдесят раз об этом попросили". И вот "Фирмен приглашает тех, в ком он уверен: они захотят сыграть главные роли. Это Мадемуазель Марс — Герцогиня де Гиз, Мадемуазель Лавер — Екатерина Медичи, Мишло — Генрих III, плюс Самсон, комический актер, приглашенный в качестве друга Александра — Бранже, близкий друг банкира Лаффи-та, национальный поэт, которого в скором времени ультра засадят на девять месяцев в тюрьму за его песенки-памфлеты "Героин-котриат" и "Коронация Карла-Простака". И снова успех. Два дня спустя 17 сентября 1828 года читка перед комитетом оказывалась чистой формальностью, пьесу принимают без голосования, на этот раз слух Александра не подвел.

Он просит, чтобы "Генриху III" был представлен обещанный "Христине" режим благоприятствования, на что и получает согласие после возвращения Тайлора с Востока 25 октября. А пока что, учитывая предшествующий опыт, он играет в доброго негра с Мадемуазель Марс. Она хочет изменений? К вашим услугам, хозяйка! Только в вопросе распределения ролей он ей и не уступает. У Мадемуазель Марс идеальный возраст для молодых героинь — ровно пятьдесят. Чуть не слишком подчеркивая свой возраст, она бы хотела иметь рядом пажа Артура того же поколения. Александр же настаивает на очаровательной ученице Фирмена Луизе Депрео. Марс возражает: у юности слишком острые колени. Как

ри Генрих III ставит во главу организации себя самого. Он пытается остановить Сен-Мергена. Напрасный труд, герой хочет испытать свою судьбу. Король дает ему талисман от огня и железа. И вот Сен-Мерген встречается с герцогиней. Она признается, что завлекла его в западню, и снова — в своей любви. Артур передает ему веревку, чтобы он бежал через окно. Последние заворота герцогини ждут его внизу. Гиз входит в комнату герцогини. С улицы ему кричат, что Сен-Мерген еще жив, так как его хранят герцогини от огня и железа. На это герцог бросает в окно платок герцогини: "Тогда задумайте же этим платком, смерть будет куда приятней от оружия, принадлежащего герцогине де Гиз".

Так родился во Франции первая романтическая драма, написанная прозой, взорвавшая незываемую твердыню трех еднств, смешавшая трагическое с комическим и вынесшая на сцену то, что в классическом обычно происходило за кулисами. Александр прекрасно сознает значительность сделанного. В салоне Вилленав он устраивает публичное чтение. У всех пьеса вызывает смятение своей необузданностью, грубостью, "монстрозностью", извращением разума человеческого".

Александр завязывает отношения с модными журналистами, поддерживающими идеи романтизма. Директор "Figaro" Нестор Роклан собирает у себя дюжину редакторов своей газеты и другого дружественного органа "Le Sylphe".

На пол расстелили матрацы с постелей — вот и диваны; из кушетки сделали софу. Я уселся за стол, освещенный простыми свечами, на огонь поставили чайник, чтобы чашкой чая отмечать окончание каждого акта, и я начал.

На этот раз я имел дело со смельчаками, поэтому мнение было совершенно иное: во весь голос и единодушно мне заявили, что надо оставить "Христину" на произвол судьбы и заняться "Генрихом III".

Актер Фирмен очаровал ролью Сен-Мергена, которая ему гораздо ближе, чем роль Мональдески. Тонкий тактик, он предлагал Александру показать пьесу сначала наиболее влиятельным актерам, а уже потом представить ее в комитет Театр-Франсе. Александр ничего не имеет против, "я бы и пятьдесят раз прочел, если бы меня пятьдесят раз об этом попросили". И вот "Фирмен приглашает тех, в ком он уверен: они захотят сыграть главные роли. Это Мадемуазель Марс — Герцогиня де Гиз, Мадемуазель Лавер — Екатерина Медичи, Мишло — Генрих III, плюс Самсон, комический актер, приглашенный в качестве друга Александра — Бранже, близкий друг банкира Лаффи-та, национальный поэт, которого в скором времени ультра засадят на девять месяцев в тюрьму за его песенки-памфлеты "Героин-котриат" и "Коронация Карла-Простака". И снова успех. Два дня спустя 17 сентября 1828 года читка перед комитетом оказывалась чистой формальностью, пьесу принимают без голосования, на этот раз слух Александра не подвел.

Он просит, чтобы "Генриху III" был представлен обещанный "Христине" режим благоприятствования, на что и получает согласие после возвращения Тайлора с Востока 25 октября. А пока что, учитывая предшествующий опыт, он играет в доброго негра с Мадемуазель Марс. Она хочет изменений? К вашим услугам, хозяйка! Только в вопросе распределения ролей он ей и не уступает. У Мадемуазель Марс идеальный возраст для молодых героинь — ровно пятьдесят. Чуть не слишком подчеркивая свой возраст, она бы хотела иметь рядом пажа Артура того же поколения. Александр же настаивает на очаровательной ученице Фирмена Луизе Депрео. Марс возражает: у юности слишком острые колени. Как

ри Генрих III ставит во главу организации себя самого. Он пытается остановить Сен-Мергена. Напрасный труд, герой хочет испытать свою судьбу. Король дает ему талисман от огня и железа. И вот Сен-Мерген встречается с герцогиней. Она признается, что завлекла его в западню, и снова — в своей любви. Артур передает ему веревку, чтобы он бежал через окно. Последние заворота герцогини ждут его внизу. Гиз входит в комнату герцогини. С улицы ему кричат, что Сен-Мерген еще жив, так как его хранят герцогини от огня и железа. На это герцог бросает в окно платок герцогини: "Тогда задумайте же этим платком, смерть будет куда приятней от оружия, принадлежащего герцогине де Гиз".

Так родился во Франции первая романтическая драма, написанная прозой, взорвавшая незываемую твердыню трех еднств, смешавшая трагическое с комическим и вынесшая на сцену то, что в классическом обычно происходило за кулисами. Александр прекрасно сознает значительность сделанного. В салоне Вилленав он устраивает публичное чтение. У всех пьеса вызывает смятение своей необузданностью, грубостью, "монстрозностью", извращением разума человеческого".

Александр завязывает отношения с модными журналистами, поддерживающими идеи романтизма. Директор "Figaro" Нестор Роклан собирает у себя дюжину редакторов своей газеты и другого дружественного органа "Le Sylphe".

На пол расстелили матрацы с постелей — вот и диваны; из кушетки сделали софу. Я уселся за стол, освещенный простыми свечами, на огонь поставили чайник, чтобы чашкой чая отмечать окончание каждого акта, и я начал.

На этот раз я имел дело со смельчаками, поэтому мнение было совершенно иное: во весь голос и единодушно мне заявили, что надо оставить "Христину" на произвол судьбы и заняться "Генрихом III".

Актер Фирмен очаровал ролью Сен-Мергена, которая ему гораздо ближе, чем роль Мональдески. Тонкий тактик, он предлагал Александру показать пьесу сначала наиболее влиятельным актерам, а уже потом представить ее в комитет Театр-Франсе. Александр ничего не имеет против, "я бы и пятьдесят раз прочел, если бы меня пятьдесят раз об этом попросили". И вот "Фирмен приглашает тех, в ком он уверен: они захотят сыграть главные роли. Это Мадемуазель Марс — Герцогиня де Гиз, Мадемуазель Лавер — Екатерина Медичи, Мишло — Генрих III, плюс Самсон, комический актер, приглашенный в качестве друга Александра — Бранже, близкий друг банкира Лаффи-та, национальный поэт, которого в скором времени ультра засадят на девять месяцев в тюрьму за его песенки-памфлеты "Героин-котриат" и "Коронация Карла-Простака". И снова успех. Два дня спустя 17 сентября 1828 года читка перед комитетом оказывалась чистой формальностью, пьесу принимают без голосования, на этот раз слух Александра не подвел.

Он просит, чтобы "Генриху III" был представлен обещанный "Христине" режим благоприятствования, на что и получает согласие после возвращения Тайлора с Востока 25 октября. А пока что, учитывая предшествующий опыт, он играет в доброго негра с Мадемуазель Марс. Она хочет изменений? К вашим услугам, хозяйка! Только в вопросе распределения ролей он ей и не уступает. У Мадемуазель Марс идеальный возраст для молодых героинь — ровно пятьдесят. Чуть не слишком подчеркивая свой возраст, она бы хотела иметь рядом пажа Артура того же поколения. Александр же настаивает на очаровательной ученице Фирмена Луизе Депрео. Марс возражает: у юности слишком острые колени. Как

ри Генрих III ставит во главу организации себя самого. Он пытается остановить Сен-Мергена. Напрасный труд, герой хочет испытать свою судьбу. Король дает ему талисман от огня и железа. И вот Сен-Мерген встречается с герцогиней. Она признается, что завлекла его в западню, и снова — в своей любви. Артур передает ему веревку, чтобы он бежал через окно. Последние заворота герцогини ждут его внизу. Гиз входит в комнату герцогини. С улицы ему кричат, что Сен-Мерген еще жив, так как его хранят герцогини от огня и железа. На это герцог бросает в окно платок герцогини: "Тогда задумайте же этим платком, смерть будет куда приятней от оружия, принадлежащего герцогине де Гиз".

Так родился во Франции первая романтическая драма, написанная прозой, взорвавшая незываемую твердыню трех еднств, смешавшая трагическое с комическим и вынесшая на сцену то, что в классическом обычно происходило за кулисами. Александр прекрасно сознает значительность сделанного. В салоне Вилленав он устраивает публичное чтение. У всех пьеса вызывает смятение своей необузданностью, грубостью, "монстрозностью", извращением разума человеческого".

Александр завязывает отношения с модными журналистами, поддерживающими идеи романтизма. Директор "Figaro" Нестор Роклан собирает у себя дюжину редакторов своей газеты и другого дружественного органа "Le Sylphe".

На пол расстелили матрацы с постелей — вот и диваны; из кушетки сделали софу. Я уселся за стол, освещенный простыми свечами, на огонь поставили чайник, чтобы чашкой чая отмечать окончание каждого акта, и я начал.

На этот раз я имел дело со смельчаками, поэтому мнение было совершенно иное: во весь голос и единодушно мне заявили, что надо оставить "Христину" на произвол судьбы и заняться "Генрихом III".

Актер Фирмен очаровал ролью Сен-Мергена, которая ему гораздо ближе, чем роль Мональдески. Тонкий тактик, он предлагал Александру показать пьесу сначала наиболее влиятельным актерам, а уже потом представить ее в комитет Театр-Франсе. Александр ничего не имеет против, "я бы и пятьдесят раз прочел, если бы меня пятьдесят раз об этом попросили". И вот "Фирмен приглашает тех, в ком он уверен: они захотят сыграть главные роли. Это Мадемуазель Марс — Герцогиня де Гиз, Мадемуазель Лавер — Екатерина Медичи, Мишло — Генрих III, плюс Самсон, комический актер, приглашенный в качестве друга Александра — Бранже, близкий друг банкира Лаффи-та, национальный поэт, которого в скором времени ультра засадят на девять месяцев в тюрьму за его песенки-памфлеты "Героин-котриат" и "Коронация Карла-Простака". И снова успех. Два дня спустя 17 сентября 1828 года читка перед комитетом оказывалась чистой формальностью, пьесу принимают без голосования, на этот раз слух Александра не подвел.

Он просит, чтобы "Генриху III" был представлен обещанный "Христине" режим благоприятствования, на что и получает согласие после возвращения Тайлора с Востока 25 октября. А пока что, учитывая предшествующий опыт, он играет в доброго негра с Мадемуазель Марс. Она хочет изменений? К вашим услугам, хозяйка! Только в вопросе распределения ролей он ей и не уступает. У Мадемуазель Марс идеальный возраст для молодых героинь — ровно пятьдесят. Чуть не слишком подчеркивая свой возраст, она бы хотела иметь рядом пажа Артура того же поколения. Александр же настаивает на очаровательной ученице Фирмена Луизе Депрео. Марс возражает: у юности слишком острые колени. Как

ри Генрих III ставит во главу организации себя самого. Он пытается остановить Сен-Мергена. Напрасный труд, герой хочет испытать свою судьбу. Король дает ему талисман от огня и железа. И вот Сен-Мерген встречается с герцогиней. Она признается, что завлекла его в западню, и снова — в своей любви. Артур передает ему веревку, чтобы он бежал через окно. Последние заворота герцогини ждут его внизу. Гиз входит в комнату герцогини. С улицы ему кричат, что Сен-Мерген еще жив, так как его хранят герцогини от огня и железа. На это герцог бросает в окно платок герцогини: "Тогда задумайте же этим платком, смерть будет куда приятней от оружия, принадлежащего герцогине де Гиз".

Так родился во Франции первая романтическая драма, написанная прозой, взорвавшая незываемую твердыню трех еднств, смешавшая трагическое с комическим и вынесшая на сцену то, что в классическом обычно происходило за кулисами. Александр прекрасно сознает значительность сделанного. В салоне Вилленав он устраивает публичное чтение. У всех пьеса вызывает смятение своей необузданностью, грубостью, "монстрозностью", извращением разума человеческого".

Александр завязывает отношения с модными журналистами, поддерживающими идеи романтизма. Директор "Figaro" Нестор Роклан собирает у себя дюжину редакторов своей газеты и другого дружественного органа "Le Sylphe".

На пол расстелили матрацы с постелей — вот и диваны; из кушетки сделали софу. Я уселся за стол, освещенный простыми свечами, на огонь поставили чайник, чтобы чашкой чая отмечать окончание каждого акта, и я начал.

На этот раз я имел дело со смельчаками, поэтому мнение было совершенно иное: во весь голос и единодушно мне заявили, что надо оставить "Христину" на произвол судьбы и заняться "Генрихом III".

Актер Фирмен очаровал ролью Сен-Мергена, которая ему гораздо ближе, чем роль Мональдески. Тонкий тактик, он предлагал Александру показать пьесу сначала наиболее влиятельным актерам, а уже потом представить ее в комитет Театр-Франсе. Александр ничего не имеет против, "я бы и пятьдесят раз прочел, если бы меня пятьдесят раз об этом попросили". И вот "Фирмен приглашает тех, в ком он уверен: они захотят сыграть главные роли. Это Мадемуазель Марс — Герцогиня де Гиз, Мадемуазель Лавер — Екатерина Медичи, Мишло — Генрих III, плюс Самсон, комический актер, приглашенный в качестве друга Александра — Бранже, близкий друг банкира Лаффи-та, национальный поэт, которого в скором времени ультра засадят на девять месяцев в тюрьму за его песенки-памфлеты "Героин-котриат" и "Коронация Карла-Простака". И снова успех. Два дня спустя 17 сентября 1828 года читка перед комитетом оказывалась чистой формальностью, пьесу принимают без голосования, на этот раз слух Александра не подвел.

Он просит, чтобы "Генриху III" был представлен обещанный "Христине" режим благоприятствования, на что и получает согласие после возвращения Тайлора с Востока 25 октября. А пока что, учитывая предшествующий опыт, он играет в доброго негра с Мадемуазель Марс. Она хочет изменений? К вашим услугам, хозяйка! Только в вопросе распределения ролей он ей и не уступает. У Мадемуазель Марс идеальный возраст для молодых героинь — ровно пятьдесят. Чуть не слишком подчеркивая свой возраст, она бы хотела иметь рядом пажа Артура того же поколения. Александр же настаивает на очаровательной ученице Фирмена Луизе Депрео. Марс возражает: у юности слишком острые колени. Как

Окончание на 10 странице.

Дюма читает актерам "Генриха III"